

Д.О. Половцев
Минск, Беларусь

**Что же произошло в Марабарских пещерах?
(Аналитическая психология К.Г. Юнга и роман Э.М. Форстера
«Поездка в Индию»)**

По мнению большинства критиков и исследователей творчества английского прозаика Эдуарда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879-1970), роман «Поездка в Индию» («A Passage to India», 1924) считается его наиболее значительным произведением, которое и по сей день вызывает многочисленные интерпретации. В силу известных причин в советском литературоведении роман изучался преимущественно в свете общественно-политической проблематики; магистральными мотивами выделялись политические и антиколониальные. Безусловно, не стоит преуменьшать социально-политическое значение романа – политическая проблематика занимает важное место в произведении, однако, вряд ли стоит ее и преувеличивать. Более того, сам автор указывал, что «... книга [Поездка в Индию. – Д.П.] на самом деле не о политике, хотя общественность уловила именно ее политический аспект.... Это о чем-то *шире*, чем о политике, о поиске человечеством более долговременного пристанища, о вселенной на индийской земле и под индийским небом... Она [книга. – Д.П.]... философская и поэтическая [курсив наш. – Д.П.]» [1, 298].

Зарубежное литературоведение, помимо вопросов антиколониализма, изучало также символизм и структуру романа, его этическую проблематику (это в первую очередь относится к работам, изданным до начала 1970-х гг.). Нами было выявлено, что рецепция романа в последние десятилетия XX и в начале XXI веков осуществлялась и осуществляется сквозь призму гендерных исследований, ориентализма, индийского национализма и постколониализма. Ученые, анализирующие роман в свете теорий постколониализма и опираясь преимущественно на труды Х. Баба [2] и Э. Саида [3], исследуют образ Другого, в таких исследованиях он конструируется в рамках оппозиции «угнетаемые – угнетенные», «Запад – Восток». Проблема при таком ракурсе ее изучения сводится к созданию образа внешнего Другого.

В настоящей статье исследуется внутренняя инаковость, с которой столкнулась героиня романа Адела Куестед. Более того, как полагает Ч. Малик, «... именно в этом романе [«Поездке в Индию». – Д.П.] Форстеру лучше всего удалось... изобразить “инаковость” [кавычки автора. – Д.П.]» [4, 15].

Адела Куестед приезжает в Индию к помолвленному с ней Ронни Хэзлопу, работающим городским судьей в провинциальном городке Чандрапоре, в сопровождении матери Хэзлопа миссис Мур. Адела принимает приглашение молодого хирурга доктора Азиса, мусульманина по национальности, посетить вместе с миссис Мур местную достопримечательность – Марабарские пещеры. По окончании поездки Азиса арестовывают и отправляют в тюрьму: Адела обвиняет его в изнасиловании. Однако на суде у нее происходит нервный срыв; Адела точно не уверена, напал ли на нее Азис в Марабарских пещерах, либо этот ужасный случай был просто кошмаром. Обвинение рушится, Азиса освобождают.

Попытаемся выяснить, что же произошло в Марабарских пещерах, которые находятся в центре повествования. Они упоминаются уже в самом его начале: «кроме Марабарских пещер, а они находятся на расстоянии двадцати миль, город Чандрапор не представляет собой ничего замечательного» [5, 31]. Однако со слов профессора Нараяна Годбола, приверженца индуизма и мистика, мы узнаем, что в пещерах нет скульптур, они никак не украшены, и вообще не содержат внутри каких-либо опознавательных знаков, словом, представляются довольно ординарными. Его описание сводится к следующему: «в скале есть вход, через который вы проникаете, а за ним пещера» [5, 91]. Чтобы в них не произносилось, ответ всегда один и тот же – странные звуки «у-у-бум», издаваемые эхом. «Посмотрев одну такую пещеру, посмотрев две, посмотрев три,... двадцать четыре, посетитель возвращается в Чандрапор неуверенным, увидел ли он что-либо интересное, или поездка была скучной, либо увидел ли он что-то вообще» [5, 138].

Марабарские пещеры представляют загадку не только для героев романа и его читателей, но и для самого автора. Когда Э.М. Форстер начинал писать роман, то он твердо знал, что «что-то важное» произойдет в пещерах, и что это будет иметь существенное значение для дальнейшего развития сюжета. Он планировал поместить их в центр повествования. Это, на наш взгляд, раскрывает его творческий метод. В 1952г. Э.М. Форстер объяснял неудачу с романом «Арктическое лето» («Arctic Summer») тем, что он заранее не продумал ход событий. «Романист, как мне кажется, – писал Форстер, – перед началом работы должен всегда обосновать то, что должно произойти, должен продумать главное событие. В процессе работы над произведением он может поменять то или иное, и наверняка он сделает это» [6, xii]. Автор в окончательном варианте «Поездки в Индию» не только не проясняет, что же действительно произошло в пещерах, а, наоборот, только запутывает, уводит в сторону. Г.Л. Дикинсон, например, остался разочарованным, так как Форстер не

прояснил до конца, что же произошло на самом деле. В письме к Г.Л. Дикинсону от 26 июня 1924 года Э.М. Форстер писал следующее: «В пещере находится *либо* человек, *либо* сверхъестественное, *либо* иллюзия. И если бы я вообще знал! Для меня это до сих пор не ясно, и я не хочу, чтобы было ясно.... Это специальная уловка, которая мне показалась уместной при написании романа об Индии. Это возникло именно в связи с Индией. Я вряд ли бы использовал такой прием, если бы речь шла о другой стране, хотя им также присущи тайны и хаос, но все же там они различимы [курсив автора. – Д.П.]» [7, 125]. И действительно, в романе порой хаос и тайна трудноразличимы. В связи с этим некоторые зарубежные исследователи, например, У. Моффат [8], полагают, что, продумывая эпизод с Аделой в пещерах, Э.М. Форстер не стремился внести в повествование ясность и конкретность. Критик указывает на желание автора создать ситуацию моральной двусмысленности. Считаем, что такая точка зрения является не совсем корректной, так как включение в сюжет некой тайны представлялось Э.М. Форстеру обоснованным. По мнению писателя, в повествовании следует стремиться к «развертыванию» («expansion»), а не к «законченности» («Not completion. Not rounding off but opening out»).

Что же фактически произошло с Аделой Куестед в Марабарских пещерах? В буквальном смысле слова ничего не произошло: Азис, как мы узнаем из повествования, в то время находился в другой пещере. С медицинской точки зрения Адела, безусловно, пережила нервный срыв. Во время поездки Адела сильно напряжена, непосредственно перед входом в пещеру героиня не смогла «соединиться» («connect»): Адела вошла в пещеру, частично думая о том, что ее уже утомила экскурсия, а частично о предстоящей свадьбе. Отметим, что еще до поездки в пещеры Адела начала осознавать, что не любит Ронни; на вечере у Филдинга она нечаянно упоминает, что не сможет остаться жить в Индии. Полагаем, что это и предопределяет осознание того, что ее отношения с Ронни являлись «ненастоящим союзом», а всего лишь «животной близостью». Такая «близость» не способна «соединить» физическую и духовную составляющие. Открытие этого «произошло так внезапно, что [Адела] почувствовала себя альпинистом, веревка которого оборвалась. Не любить человека, с которым собираешься заключить брак! Не обнаруживать этого до настоящего момента! Даже не спрашивать себя об этом до сегодняшнего дня!» [5, 163]. Присущий Аделе рационализм (Адела «любила планировать», «... планы были ее страстью с детства...» [5, 148]), «недоразвитое» сердце (по терминологии самого автора) не могут допустить выхода этого «открытия» на поверхность, в область сознания¹. «...Нет, они [Адела

и Ронни. – Д.П.] не любили друг друга» [5, 162] – таков вывод, к которому приходит Адела при посещении пещер.

Представляется, что Адела Куестед испытала в пещере то, что известный швейцарский психоаналитик и психиатр Карл Густав Юнг назвал встречей с Тенью. Тень, по Юнгу, обозначает «бессознательную противоположность того, что индивид настойчиво утверждает в своем сознании; сумма всех личностных психических элементов в силу несовместимости с избранным сознательным отношением их носителя, не допущенная к жизненному проявлению» [10, 287]. Следовательно, осознание Тени предполагает признание реального присутствия темных аспектов личности. Встреча с Тенью представляет собой вход через узкий проем, подобный на тот в пещере, который потом может расшириться. Вот как это описывает К.Г. Юнг: «Встреча с самим собой означает прежде всего встречу с собственной Тенью. Это теснина, узкий вход, и тот, кто погружается в глубокий источник, не может оставаться в этой болезненной узости. *Необходимо познать самого себя, чтобы тем самым узнать, кто ты есть* [курсив автора. – Д.П.], поэтому за узкой дверью он неожиданно обнаруживает безграничную ширь, неслыханно неопределенную, где нет внутреннего и внешнего, верха и низа, здесь или там, моего и твоего, нет добра и зла [ситуация сходна с форстеровским «у-у-бум». – Д.П.]. Таков мир вод, в котором свободно возвышается все живое. Здесь начинается царство “Sympaticus”, души всего живого, где “Я” ПЕРЕЖИВАЮ ДРУГОГО ВО МНЕ, а другой переживает меня в себе [прописные буквы наши. – Д.П.]» [10, 112]. Для человека, не привыкшего совершать путешествие по «ту сторону», встреча с Тенью воспринимается как своего рода надругательство над собственным «Я». В нашем сознании, указывает К.Г. Юнг, «... мы господа над самими собой.... Но стоит только шагнуть сквозь дверь Тени, и мы с ужасом обнаруживаем, что мы сами есть объект влияния каких-то “факторов”» [10, 113]. При осознании этого, продолжает мыслитель, «возникает даже повод для примитивной паники...» [10, 113].

Полагаем, что встречу Аделы Куестед с самой собой как Другой автор предвосхищал в других своих романах. Например, «панику и пустоту» испытывает Элен Шлегель (героиня романа «Хауардз Энд» («Howards End», 1910)); записка младшего Эмерсона, обнаруженная Шарлотой Бартлет (героиней романа «Комната с видом» («A Room with a View», 1908)) «...стала [для Шарлоты. – Д.П.] угрожающей, отвратительной; она предвещала нечто дурное» [11, 18]. Нельзя не заметить, что истоки указанной идеи берут свое начало у Форстера-новеллиста: например, в «Истории о панике» («The Story of a Panic», 1904), который является первым рассказом Форстера.

Итак, после посещения пещер Адела впадает в истерику; она не

в состоянии объяснить, что произошло на самом деле. Однако представляется очевидным, что «тень или что-то наподобие тени» [5, 199], встречу с которой переживает Адела в «Поездки в Индию» сходна с той, которую описывает К.Г. Юнг. Так, Адела «начала рассказывать, как будто бы не произошло ничего особенного. “Я пошла в эту отвратительную пещеру”, – сказала она сухо, – “и я помню, что царапнула стену ногтем, чтобы вызвать обычное эхо, а затем... ниже у входа в тоннель я увидела тень или что-то наподобие тени”...» [5, 199]. У Юнга: «идуший к самому себе рискует с самим собой встретиться.... Такова проверка мужества на пути вглубь, проба, которой достаточно для большинства, чтобы отшатнуться, так как встреча с самим собой принадлежит к самым неприятным» [10, 111]. Далее Адела продолжает: «... мне кажется, что все это не длилось и тридцати секунд. Я ударила его биноклем.... Я убежала, это все. На самом деле, он до меня даже не разу и не дотронулся. Это все кажется таким вздором» [5, 199]. Адела стремилась изложить все произошедшее с позиций логики и рационализма, но, повторяя все снова и снова, срывалась и впадала в истерику. Хотя иногда она и чувствовала себя виновной («... это было ее преступление...» [5, 200]), но интеллект просыпался, и Адела вновь чувствовала себя жертвой. От непрекращающегося эхо героиня пытается скрыться за своей рациональностью, образованием и мировоззрением (полагаем, что разбитый в пещере бинокль можно сравнить с рационализмом Аделы, который в процессе развития сюжета распадается на части).

Встретиться с самими собой как с Другим, живущим собственной жизнью внутри своего «Я» является трагедией для человека, существующим по законам разума, исключаям возможность существования в одном человеке нескольких «Я». Любопытно, что сам писатель не исключал такую возможность: «...в голове у каждого человека существуют две личности: одна на поверхности, другая где-то глубже. У той, что на поверхности, есть свое имя. Ее зовут... С. Т. Колдريدж или Вильям Шекспир.... Ей присуще сознательность... и... [она] сильно отличается от других личностей. Та личность, которая существует глубже, очень странная» [12, 83-84]. Именно без последней, как полагает Э.М. Форстер, невозможен творческий процесс. Более того, «у нее есть что-то общее с другими личностями, существующими на глубине.... Именно там, в смутных тайниках нашей самости, мы приближаемся к вратам божественного» [12, 83-84].

Тайну Марабарских пещер понимает исповедующий индуизм профессор Годбол; описывая их, «... он скрывал что-то...» [5, 92], на его лице появилось напряжение. Его внешность «... предполагала гармонию, как будто бы он примирил... Восток и Запад, умственное и

физическое...» [5, 89]. Марабарские пещеры не вызывают у профессора Годбола ни чувства апатии, ни ужаса, так как, будучи героем с «развитым» сердцем и обладая интуицией, он осознает возможный инсайт, связанный с их посещением. Более того, как указывает К.Г. Юнг, «... при наличии проницательности и доброй воли [нельзя не заметить, что эти качества присущи Годболу. – Д.П.] тень может быть до некоторой степени ассимилирована сознательной частью личности...» [13, 168].

Прозрение Аделы наступает только на суде. Героиня «... не думала о том, что произошло,... но она вернулась в Марабарские пещеры.... Роковой день повторился, подробно, в деталях, но сейчас она присутствовала там и не присутствовала одновременно, и в этом двойном ракурсе было какое-то свое неопишное очарование... Ее видение включало несколько пещер. Она видела себя в одной из них, но она также была и не в ней.... Она не смогла определить, где находился он [Азис. – Д.П.]. Именно в этом заключалось сомнение, которое... преследовало ее.... Боюсь, я сделала ошибку.... Доктор Азис не преследовал меня в пещере» [5, 230-231]. Итак, на суде Адела находится и в пещере, и одновременно вне пещеры, пристально наблюдая, зайдет ли туда Азис. При помощи такого «двойного ракурса» Адела может увидеть сцену нападения собственными глазами. «Двойное видение» заключается в способности личности увидеть себя как не-себя, а как Другого, осознать свою нетождественность самому себе, то есть прикоснуться к миру внутренней инаковости. После того, как Адела посмотрела на себя со стороны, своим внутренним взором, она отказывается от обвинения. Эхо, связанное с ее пониманием виновности/невиновности Азиса, исчезает только тогда, когда Адела признается, что сделала ошибку. На суде, соприкоснувшись с невидимым миром своего Я, Аделе удается «соединиться». Когда Адела осознала всю ограниченность своего рационализма, Я перестало диссонировать с преследующим ее эхо, она стала уверена в невиновности Азиса. После суда Я Аделы начинает исследовать опыт, полученный во время путешествия в Марабарские пещеры.

Итак, трагедия Аделы заключается в том, что в пещере она не смогла «соединиться», не смогла достигнуть «этовости» (термин И.Д. Скота, трактуемый им как «самотождественность... в самости» [5, 401]). Вся жизнь Аделы руководствовалась разумом. Следовательно, вход в пещеры – вход в область самой себя – вход для Аделы болезненный. Произошедшее в пещерах оказалось благотворным для Аделы: после суда в беседе с Филдингом она признается, что «у меня такое чувство, что всем нам надо на несколько столетий вернуться в

пустыню и попытаться исправиться. Я хочу начать с самого начала. Все, чему я научилась, – просто помеха, а совсем не знание» [5, 203].

В Марабарских пещерах Адела сама разрушила представление о своем Я как о монолитном, оно получило возможность «преодоления себя сегодняшнего» (по А. Адлеру). В связи с этим совершенно справедливо указывает известный белорусский литературовед и ученый Ю.В. Стулов, что «особое значение для писателя [Э.М. Форстера. – Д.П.] имеет понимание сущности человеческого “я”. В отличие от своих современников, для которых “я” – это рациональное единство, чьи взгляды и действия определяются условиями объективной реальности, – продолжает исследователь, – Форстер подчеркивает важность субъективного начала, *множественность проявлений “я”, его подвижность...* [курсив наш. – Д.П.]» [15, 160].

Литература

1. Forster E.M. Three Countries // Hill of Devi and Other Indian Writings. New York: Abinger. 1983.
2. Bhabha H.K. The Location of Culture. L., N.Y., 1994.
3. Said E. Orientalism. Harmondsworth: Penguin, 1991; Said E. Culture and Imperialism. – N.Y., 1994.
4. Malik Ch. Private Pleasures, Public Texts: The Representation of Male Homosexuality in E.M. Forster's Maurice, The Longest Journey, and A Passage to India: PhD Dissertation. – Saint Louis, Missouri, 1994. – 283p.
5. Forster E.M. A Passage to India. L.: Penguin Books, 2000. – 363p.
6. Forster. E.M. A Passage to India. David Campbell Publishers Ltd., 1991. – 296p.
7. Цит. по: Furbank P.N. E.M. Forster: A Life, vol.2, London: Cardinal: Sphere, 1998.
8. Moffat W. A Passage to India and the Limits of Certainty // Journal of Narrative Technique, 20, 1990. – P. 331-341.
9. Цит. по: Brock G. Language, Truth and Logic in E.M. Forster's Passage to India // Studies in the Novel. Summer 78. Vol. 10. Issue 2. – P. 251-266.
10. Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 304с.
11. Forster E.M. A Room with a View. L.: Penguin Books, 1976. – 223p.
12. Forster E.M. Anonymity: An Enquiry // Two Cheers for Democracy. New York: Harcourt, 1938. – P. 77-88.
13. Юнг К.Г. Избранное / Пер. с нем. Е.Б. Глушак, Г.А. Бутузов. М.А. Собуцкий. О.О. Чистяков; Отв. ред. С.Л. Удовик; Худ. обл. М.В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 448с.

14. Новейший философский словарь / Гл. науч. ред., сост. Грицанов А.А. – 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом. 2003. – 1280с. – (Мир энциклопедий).
15. Стулов Ю.В. В поисках гармонии: «другой» в творчестве Э.М. Форстера // Материалы ежегодной научной конф. преподавателей и аспирантов МГЛУ, 26-27 апреля 2007года. В 3-х частях. Ч.3. – Минск, 2001. – С. 157-163.

ⁱ В одном из интервью в 1952 г. у Форстера спросили: «Имели ли Вы в виду фрейдские мотивы, описывая беседу Азиса и Аделы в пещерах?... – Я не думал о Фрейде, но это более или менее так...» [9, 265].